

РЕКИ ЛОНДОНА

РОМАНЫ

- 1 Реки Лондона
- 2 Луна над Сохо
- 3 Whispers Under Ground
- 4 Broken Homes
- 5 Foxglove Summer
- 6 The Hanging Tree
- 7 Lies Sleeping
- 8 False Value
- 9 Amongst Our Weapons

НОВЕЛЛЫ

What Abigail Did That Summer
The Furthest Station
The October Man

РАССКАЗЫ

Tales from the Folly

*Посвящается Карифе,
ибо каждый отец мечтает
стать для своего сына героем.*

Люди умирали за эту музыку.
Куда уж тут серьезнее.
— Дizzi Гиллести

1

Тело и душа

ЕСЛИ ДОЛГО ЕХАТЬ в одну сторону, то рано или поздно Лондон останется у вас за спиной. Такова печальная особенность современной жизни. А если вы направитесь на северо-восток по трассе A12, то неминуемо окажетесь в Колчестере. Этот город стал первой столицей Римской империи на территории Британии, и его же первым сожгла рыжая оторва из Норфолка по имени Боудика¹. Я знаю все это из «Анналов» Тацита, входящих в мой курс латыни. Тацит выказывал странное сочувствие к восставшим бриттам и иронизировал над плохой подготовкой римских военачальников, которые *ставили удобство выше пользы*. Блестяще образованные оболтусы, командующие британской армией, очевидно, приняли этот упрек к сведению: теперь в Колчестере базируется самое крутое подразделение британских войск —

¹ Боудикка (Боудика, *кельт.* Boudic(c)a, неточная римская передача *Боадицея*, лат. *Boadicea*, ум. 61 г.) — жена Прасутага, тигерна зависимого от Рима бриттского племени иценов, проживавшего в районе современного Норфолка на востоке Англии. После смерти мужа римские войска заняли ее земли, а император Нерон лишил ее титула, что побудило ее возглавить антиримское восстание 61 года.

воздушный десант. Во время стажировки я не один субботний вечер провел на Лестер-сквер, разнимая дерущихся десантников, и теперь старательно объехал этот прекрасный город по трассе.

Потом повернул на юг и с помощью GPS-навигатора нашел съезд на шоссе В1029, что тянется по узкому перешейку между рекой Кольн и водоотводным каналом. Оно ведет в городок Брайтлинси. Лесли любит говорить, что он разбросан по побережью, словно мусор, вынесенный на берег приливом. Но у меня сложилось более приятное впечатление. В Лондоне шел дождь, но после Колчестера небо прояснилось, и теперь проглянувшее солнце озаряло спускающиеся к морю ряды чистеньких, ухоженных коттеджей в викторианском стиле.

Найти коттедж семейства Мэй было легко. Построенный где-то в семидесятых в стиле Эдвардианской эпохи, он был полностью покрыт каменной штукатуркой и весь увешан светильниками. С одной стороны от входной двери на крюке висело кашпо с голубыми цветами. С другой — виднелась керамическая табличка с номером дома, украшенная изображением яхты на волнах. Задержавшись у крыльца, я оглядел сад: возле декоративной купальни для птиц тусовалась компания садовых гномов. Глубоко вздохнув, я нажал кнопку дверного звонка.

Изнутри немедленно послышался разноголосый девичий визг. Сквозь витражное стекло в двери мне было видно только размытые силуэты, мечущиеся туда-сюда по коридору. «Там твой парень пришел!» — завопил кто-то, в ответ послышалось сердитое «шшшш», кто-то что-то сказал вполголоса. Потом в конце коридора появилось светлое неясное пятно, оно приближалось, пока не заполнило собой весь ви-

траж. Я отшагнул назад, и дверь открылась. На пороге стоял Генри Мэй, отец Лесли.

Он и так-то был крупный, а по долгу службы ему приходилось водить грузовики и перетаскивать тяжести, что добавило ширины его плечам и объема бицепсам. Однако завтраки в придорожных кафе и вечера в пабах обеспечили ему изрядное брюшко. Лицо у него было квадратное, а залысина надо лбом начинала потихоньку расти. Но он, похоже, боролся с этим просто — стригся под ноль, и сейчас волосы топорщились коротким темным ежиком. Взгляд голубых глаз был ясным и умным. Лесли, похоже, глазами пошла в отца.

Будучи отцом четырех дочерей, он, конечно, в совершенстве владел техникой внушения трепета одним своим видом. Я едва не спросил, выйдет ли Лесли поиграть.

— Добрый день, Питер, — сказал он.

— Мистер Мэй, — учтиво кивнул я.

Он не шелохнулся в дверях, все так же загораживая собой проем; приглашать меня в дом тоже не спешил.

— Лесли выйдет через пару минут.

— С ней все в порядке? — спросил я. Глупый, конечно, вопрос, и отец Лесли даже не стал утруждать себя ответом. Тут на лестнице послышались шаги, и я глубоко вздохнул, готовясь к худшему.

По словам доктора Валида, серьезно пострадали верхняя и нижняя челюсть, носовая и прилегающие к ней кости. Большая часть мышц и сосудов осталась нетронутой, однако сохранить кожный покров хирургам Университетского госпиталя не удалось. Поэтому они временно установили каркас, позволяющий дышать и принимать пищу, и шансы на то, что частичная трансплантация лицевых тканей

пройдет успешно, были по-прежнему велики. Если удастся найти подходящего донора. Говорить Лесли, естественно, не могла — ведь то, что осталось от ее челюстей, соединял сейчас тончайший каркас из гипоаллергенного металла. Доктор Валид сказал, когда кости немного срастутся, можно будет попробовать восстановить и речевые функции челюсти. Как по мне, слишком уж много «если» и «когда». «Что бы ни предстало вашему взгляду, — наставлял меня доктор, — смотрите на это, пока не привыкнете. И ведите себя так, словно она осталась прежней».

— Да вот она, — сказал Генри Мэй и посторонился. Тонкая фигурка Лесли скользнула между ним и дверным косяком. На ней была синяя в белую полоску толстовка с капюшоном. Капюшон она накинула на голову, так что он полностью скрывал и лоб, и подбородок, и туго затянула тесемку. Нижнюю часть лица скрывал сине-белый шарф в тон. Глаза Лесли спрятались за огромными старомодными очками, которые наверняка откопала в мамином шкафу со всяким старьем. Я пялился на нее в упор, но все равно не мог ничего разглядеть.

— Ты бы хоть предупредила, что мы идем грабить банк, — сказал я, — я б маску захватил.

Она бросила на меня возмущенный взгляд — я понял это по тому, как она наклонила голову и передернула плечами. В груди что-то сжалось, я глубоко вздохнул.

— Тогда, может, прогуляемся?

Она уверенно взяла меня за руку и повела прочь от дома, кивнув отцу. Мы шли, и я все время чувствовал спиной его взгляд.

Брайтлинси и летом-то не назовешь шумным городом, небольшое лодочное производство и пара

мелких заводиков не в счет. А уж сейчас, спустя две недели после окончания школьных каникул, здесь царил почти полная тишина. Только кричали чайки да изредка проезжали машины.

Я молчал, пока мы не вышли на главную улицу. Там Лесли вытащила из сумочки свой полицейский блокнот, открыла на последней странице и протянула мне.

Чем занимался? — вопрошала надпись черной ручкой поперек страницы.

— Лучше тебе не знать, — ответил я.

Она жестами показала, что нет, ни фиги не лучше.

И я рассказал о парне, которому откусила член женщина с зубастой вагиной. А еще сообщил, что старшего инспектора Сивелла после его действий во время погрома в Ковент-Гардене вроде бы вызвали в Комиссию по жалобам на полицию. Первый случай позабавил Лесли, а вот второй не очень. Я решил вовсе умолчать о том, что Теренс Потсли, второй, кто выжил после всплеска магии, изуродовавшего лицо Лесли, покончил с собой, едва ему представилась такая возможность.

Сразу на берег мы не пошли. Вместо этого Лесли повела меня обратно по Ойстер-Тенк-роуд, через тенистую парковку, где рядами стояли в прицепах вытасщенные из воды шлюпки. С моря дул холодный, резкий ветер, завывал в снастях, звенел, словно колокольчиками, металлическими частями такелажа. Держась за руки, мы пробирались между лодок, пока не оказались на бетонной набережной, продуваемой всеми ветрами. С одной ее стороны были ступеньки, которые вели вниз, к берегу, разделенному на ровные отрезки старыми полусгнившими волноломами. С другой стороны в ряд выстроились небольшие са-

райчики, выкрашенные в яркие краски. Большинство были заперты, но какая-то семья явно решила продлить себе каникулы, пока не похолодало, — родители пили чай, расположившись на крыльце, а дети гоняли по пляжу футбольный мяч.

Между последним сарайчиком и открытым бассейном была узкая полоска зеленой травы, на которой стоял еще один маленький домик. Там-то мы и решили передохнуть. Этот домик построили еще в тридцатые годы, когда люди не питали никаких иллюзий относительно британского климата. У него были такие мощные кирпичные стены, что при случае он мог послужить противотанковым укреплением. Мы устроились внутри, на скамейке в нише, куда не задувал ветер. Стены были разрисованы морскими пейзажами: голубое небо, белые облака, алые паруса. Какой-то конченый дебил написал через все небо «БиЭмЭкс» черным аэрозолем для граффити. Сбоку на стене были неряшливо намалеваны имена: БРУК Т., ЭМИЛИ Б. и ЛЕСЛИ М. Они находились именно в том месте, где их могла вывести рука подростка, сидящего на краю скамейки и не знающего, чем себя занять. Не надо быть копом, чтобы понять: именно сюда приходит потусить молодое поколение жителей Брайтлинси в трудный период своей жизни, когда возраст уголовной ответственности уже наступил, а легального употребления алкоголя — еще нет.

Лесли достала из сумочки клон АйПада и включила его. Перевела в клавиатурный режим, и АйПад заговорил. Кто-то из ее родных, очевидно, установил синтезатор речи. Модель была базовая, в речи слышался американский акцент, поэтому Лесли говорила как туповатый красавчик-серфер. Но все равно это было почти похоже на нормальную беседу.

Она спросила сразу, без всяких предисловий:

— Магией можно лечить?

— Но доктор Валид, наверное, уже обсудил это с тобой?

Я ждал, что она об этом спросит. Ждал и боялся.

— Ты скажи.

— Что сказать?

Лесли склонилась над АйПадом и стала методично тыкать пальцем в монитор. Набрал несколько строк, она нажала ввод.

— Хочу услышать это от тебя.

— Но почему?

— Потому что доверяю тебе.

Я глубоко вздохнул. Пара пенсионеров на инвалидных электроскутерах пронеслась мимо нашего домика.

— Насколько мне известно, магия подчиняется тем же самым законам физики, что и все вокруг, — сказал я.

— Что вызвано магией, — ответил АйПад, — можно магией же и исправить.

— Если обжечь руку огнем или электричеством, будет ожог. Его мажут мазью, бинтуют и все такое — но не лечат ни огнем, ни электричеством. Ты...

...лишилась лица, его кожа и мышцы распались по воле проклятого злобного духа. Твоя нижняя челюсть полностью разрушилась и сохраняла свою форму только благодаря магии, а когда она перестала действовать, твое лицо развалилось. Твое милое, прекрасное лицо. Я был там и видел это своими глазами. А помочь не мог.

...понимаешь, что по щелчку пальцев он не пройдет.

— Все на свете знаешь, да? — спросил АйПад.

— Нет, — сказал я. — Все на свете даже Найтингейл не знает.

Некоторое время Лесли сидела молча и неподвижно. Я хотел обнять ее за плечи, но не знал, как она себя поведет. И уже почти решился, когда она кивнула, будто сама себе, и снова застучала по монитору.

— Покажи, — сказал АйПад.

— Лесли...

— Покажи, — она кликнула на повтор, потом еще несколько раз. — Покажи, покажи, покажи.

— Подожди-ка, — сказал я, протягивая руку за АйПадом, но она поспешно убрала его из пределов моей досягаемости.

— Я должен вытащить аккумулятор, — объяснил я, — иначе магия сожжет чип.

Лесли раскрыла АйПад и извлекла оттуда аккумулятор. Убив пять телефонов подряд, я в конце концов обезопасил свой «Самсунг» последней модели отключающим устройством. Правда, половинки корпуса скреплялись теперь двумя эластичными ремешками. При виде этой конструкции Лесли вздрогнула и издала странный фыркающий звук — очевидно, засмеялась.

Я мысленно воспроизвел нужную *форму*, потом раскрыл ладонь, выпуская шар-светлячок. Не слишком большой, но его неяркий отсвет все же отразился в стеклах очков Лесли. Она перестала смеяться. Я сложил пальцы, и шар погас.

Несколько секунд Лесли таращилась на мою ладонь. Потом дважды, медленно и методично, повторила мой жест. Не увидев никакого эффекта, она подняла голову и посмотрела на меня. Сквозь шарф и очки ничего не было видно, но я знал, что она хмурится.

— Это труднее, чем кажется, — пояснил я. — Я целых полтора месяца тренировался каждое утро по

несколько часов. А ведь это далеко не все, что надо освоить. Я говорил, что одновременно нужно учить латынь и греческий?

Некоторое время мы молчали. Потом она пихнула меня в плечо. Вздохнув, я засветил еще один «светлячок». К этому моменту я уже, наверно, даже во сне мог их лепить. Лесли повторила мое движение — ничего не произошло. Нет, кроме шуток, этому и правда надо учиться очень долго.

Пенсионеры на скутерах наперегонки катили обратно по набережной. Я погасил шар, но Лесли продолжала воспроизводить мое движение, с каждым разом все более резко и нетерпеливо. Я смотрел на это, пока мог, потом мягко накрыл ее ладонь своей.

Скоро мы двинулись обратно к ее дому. Когда дошли, она похлопала меня по руке, шагнула через порог и захлопнула дверь прямо у меня перед носом. Сквозь витраж я видел только неясный силуэт: она быстро прошла по коридору и совсем пропала с глаз.

Я развернулся и уже собрался уходить, как вдруг дверь открылась снова, и отец Лесли вышел на крыльцо.

Людам, подобным Генри Мэю, нелегко дается смущение, поэтому они не умеют его скрывать.

— Питер, — сказал он, — я тут подумал, может быть, выпьете со мной чайку? В центре есть кафе.

— Спасибо, — ответил я. — Но мне надо возвращаться в Лондон.

— А, — сказал он и шагнул ближе. — Она не хочет, чтобы вы видели ее без маски. — Он махнул рукой в сторону двери: — Ну, если вы зайдете, ей ведь придется снять маску — вот она и не хочет, чтобы вы ее видели. Надеюсь, вы ее понимаете, а?

Я кивнул.